

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОФЕССОРА

АЛЕКСАНДР ПИКАЛОВ

Александр Пикалов

История одного профессора

«Издательские решения»

Пикалов А.

История одного профессора / А. Пикалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518422-1

Книга погружает читателя в историю о бесконечной войне между небесами и адом. Чем больше читатель будет погружаться в события, тем очевиднее для него будет становиться простая истина — не все ангелы абсолютно чисты, и не все демоны абсолютно темны. Долгая жизнь среди людей изменила и божественные сущности, и адские создания.

ISBN 978-5-00-518422-1

© Пикалов А.
© Издательские решения

Содержание

Жуткая статья	6
Небесный спецназ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

История одного профессора

Александр Пикалов

© Александр Пикалов, 2020

ISBN 978-5-0051-8422-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жуткая статья

Я занял свое любимое место в автобусе – примерно в центре салона, в ряду за спиной водителя, у окна. Кресло рядом со мной пустовало, да и вообще автобус был практически пуст – оно и понятно: время приближалось к полудню, и весь рабочий люд уже сидел на рабочих местах. В салоне ехали только несколько пенсионеров, да мамаша с ребенком лет трех, который мирно спал на ее коленях.

Я прислонился щекой к прохладному стеклу и стал смотреть на проплывающий мимо городской пейзаж.

Яркое весеннее солнце ощутимо нагревало внутренности автобуса, становилось жарко, но прохладное стекло не давало мне взопреть, так что ехал я с комфортом.

В голове всплыл недавний разговор с редактором – пожилой женщиной с внешностью типичной училки. Ариадна Витальевна, так звали редактора, не хотела принимать мою новую рукопись и прошла по ней в довольно жесткой форме.

– Алексей, – сказала она, протирая стекла больших очков в старомодной роговой оправе, – ваш новый роман никуда не годится! Все идеи и сюжетные ходы банальны и предсказуемы, герои плоские и невыразительные, а ваш художественный слог оставляет желать лучшего. Такое ощущение, что вы писали свой роман на коленке в перерывах на занятия чем-то более важным!

Я сидел напротив своего редактора, опустив голову, и действительно ощущал себя проштрафившимся школьником, которого чихвостит строгая учительница.

– Ну, Ариадна Витальевна, – в голосе сами собой появились просительная интонация и заискивающие нотки, – неужто ничего нельзя сделать?

– Ох, Алексей, Алексей, – женщина покачала головой, – вы хоть представляете, сколько вас таких молодых писателей приходит ко мне? Каждый мнит себя минимум Палаником, а максимум Толстым! Представляете, сколько рукописей, типа вашей, прошло через мои руки?

– Да уж, вам не позавидуешь, – я решил сильнее подмазаться к редактору.

– Вы все пишете о каких-то далеких мирах, планетах, какие-то орки-гоблины-маги в каждой книге через страницу! А знаете, что самое простое для писателя? О чем нужно писать?

– О чем же? – я заинтересованно наклонился вперед.

– Все очень просто – пишите о том, что знаете! – Ариадна Витальевна нацепила очки на нос и снова пролиставла мою рукопись. – Нет, нет, к сожалению, это в печать точно не пойдет!

Редактор аккуратно сложила принесенные листы в прозрачный файл и вернула мне.

Целую неделю я ходил по квартире из угла в угол, думая, о чем же написать. К моему жестокому разочарованию, после долгих размышлений я пришел к выводу, что в моей жизни не происходило никаких событий, о которых стоило бы рассказать.

«Писать о том, что знаю!» – эта фраза крутилась у меня в голове, не давая спокойно есть и спать.

– А что я знаю? Да ничего не знаю! – я в ярости швырнул диванную подушку в сторону письменного стола и сбил ею ворох газет, которые зачем-то складировал на своем рабочем месте. Газеты испуганными птицами разлетелись по комнате, и я, чуть поостыв, принялся их собирать.

На глаза мне попала местная «желтая» газетенка с кричащим заголовком «Они среди нас!». На фото был изображен благообразного вида старичок, за спиной которого разворачивались два крыла – одно ангельское, другое явно демоническое. От нечего делать я развернул газету и начал читать заметку. Старичок оказался профессором какого-то вуза, которого упекли в местное отделение психиатрической больницы за маниакальную одержимость оккультизмом и демонологией.

Я прочел статью несколько раз. В моей голове закрутились идеи и мысли. Во что бы то ни стало я решил встретиться с этим профессором и поговорить с ним. Даже если все его бредни не стоят выеденного яйца – это тем не менее будет полезный жизненный опыт общения с психически нездоровым человеком!

Весь следующий день я провел на телефоне – звонил в редакцию газеты, выяснял имя и номер журналиста, который брал интервью, затем звонил в клинику, стараясь выбить себе свидание с профессором. Как оказалось, попасть к нему в отделение для буйнопомешанных было очень сложно! Служба охраны запросила мои паспортные данные, анкету с предыдущего места работы и чуть ли не анализ крови! В любой другой ситуации я бы уже давно опустил руки и оставил бы эту затею, но при полном отсутствии идей для новой книги и задетый словами Ариадны Витальевны о моей последней работе, я вцепился в возможность встретиться с профессором мертвой хваткой!

Спустя неделю звонков, переговоров и сбора всяческих справок и документов я, наконец, получил разрешение на встречу с седовласым узником отделения для буйных. Осуществив первый этап, я испытал ни с чем несравнимое чувство удовлетворения и собственной победы, но радовался я недолго – к беседе следовало основательно подготовиться, а времени оставалось мало: пропуск был всего на один день – на завтра! Всю ночь я изучал материалы о старичке, его прошлые работы, биографию и историю того, как он попал на лечение. Стройной картины все равно не получалось! Складывалось впечатление, что жил человек, как все – семья-дети-работа, все стандартно, и вдруг слетает с катушек и начинает говорить о демонах и ангелах. Бред. В полнейшем смятении я лег спать, решив отдаться на волю судьбы.

В автобусе совершенно не осталось пассажиров. Я ехал в полном одиночестве, вольготно расположившись на потертом сиденье. От конечной остановки общественного транспорта до здания лечебницы мне предстояло пройти еще около километра. Благо погода была солнечная и теплая.

Психиатрическая лечебница номер шестьдесят шесть располагалась в лесопарковой зоне. Я вышел из автобуса и зашагал по широкой тропинке в сторону светлого соснового бора. Лес, состоящий из высоченных корабельных сосен, был на удивление тих: ни стрекотания насекомых, ни щебета птиц – казалось, даже ветер здесь не дует! Ни одна ветка не шевелилась и не скрипела. Я для эксперимента наступил на лежащую посреди тропинки сухую ветку – оглушительный треск, которого я ожидал, донесся до меня будто через пуховую подушку – тихим и приглушенным. Озадаченный этим открытием я направился по тропинке дальше в сторону широкого луга, начинавшегося прямо за стеной сосен.

Выйдя на опушку, я остановился – зрелище было впечатляющим. Здание лечебницы было словно не из этого мира: посреди зеленого разнотравья весеннего луга приземисто занимало место здание из серого камня с узкими окнами, огороженное высоченным забором с колючей проволокой поверху. Я поймал себя на мысли, что без этой серой кубатуры местный пейзаж можно было бы назвать райским, но здание портило все впечатление, навевало тоску и угрозу.

Ощущая во рту вкус пыли, я подошел к железным воротам и нажал на кнопку интеркома. Загорелась зеленая лампочка, свидетельствующая о том, что меня увидели. Сверху грозно повернулась в мою сторону камера наблюдения, и я задрал голову, давая человеку за пультом рассмотреть меня. Я достал из внутреннего кармана куртки заранее подготовленный пропуск и помахал им перед глазком камеры:

– Эй! Впускайте меня уже! – крикнул я.

Ворота вздрогнули, будто не желая впускать меня внутрь, и нехотя поползли в сторону, открывая внутренний периметр учреждения.

Я вошел в ворота и зашагал по дорожке, посыпанной мелким гравием, к зданию лечебницы – навстречу мне никто так и не вышел.

Вблизи лечебница производила еще более гнетущее впечатление. Серые стены были выполнены, казалось, из цельного куска камня, в котором неведомо какими инструментами были прорублены узкие окошки, больше похожие на бойницы средневекового замка, света в окнах естественно не было, и сквозь стекла невозможно было рассмотреть что-то внутри здания. Вход же меня удивил и повеселил: обычный предбанник, выполненный из белого металлопрофиля, обшитый пластиковыми панелями; он больше напоминал уличный туалет в каком-нибудь провинциальном городке, чем пост охраны в таком суровом заведении.

Встряхнувшись и сбросив с себя тяжелые впечатления от местной архитектуры, я бодрым шагом вошел в здание. На входе стоял обычный совдеповский стол, за которым сидел сучающий охранник совершенно обыденного вида, рядом с ним стояла чашка остывшего кофе и лежал журнал с кроссвордами. Я закашлялся, стараясь скрыть смех.

– Вы к кому? – с трудом подавив зевоту, спросил меня представитель службы охраны.

– К Владимиру Семеновичу Вышеславскому, – бодро отпартовал я. – Мне назначено, вот документы.

Я выложил перед охранником свой паспорт и разрешение на посещение. Толстые пальцы лениво развернули мое удостоверение, фамилия моя была вяло вписана в журнал посетителей.

– Ожидайте, Алексей Константинович, – сказал охранник и протянул мне обратно мои документы.

Я отвернулся от стола охраны и с интересом стал разглядывать вестибюль здания, вернее, ту его часть, которую мог рассмотреть со своего места. Прямо за столом охраны располагался пропускной турникет, следом коридор с рядами стульев у стен. На полу лежал покоробившийся кое-где от времени линолеум, стены стандартного песочного цвета требовали ремонта и штукатурки. Я в очередной раз удивился, насколько гнетущее и тяжелое впечатление производило здание снаружи, давя своим видом и помпезностью, и каким обыденным и даже жалким оно оказалось внутри.

Я стоял возле стены и рассматривал плакаты со схемами движения во время пожара и памятками об угрозе террористических актов и техногенных катастроф, как вдруг со стороны турникета меня окликнули.

– Алексей Константинович? – голос принадлежал молодому человеку в очках.

– Да, это я, – я подошел к турникету и, пройдя сквозь него, пожал протянутую молодым человеком руку.

– Меня зовут Михаил Адамович Берсенев, я заведующий отделением для буйных этой клиники, – представился молодой человек.

Я невольно вскинул брови – парень выглядел едва ли не моим ровесником, а судя по не сошедшим еще юношеским прыщам, он вообще казался студентом старших курсов медицинского вуза! И надо же – заведующий отделением?

– Понимаю ваш скепсис, – сразу же понял мой удивленный взгляд Михаил Адамович, – выгляжу молодо, да еще эти проблемы с кожей, – молодой человек нервно дернул подбородком. – Но можете не сомневаться – все этапы обучения и работы я уже прошел, и добился этой должности не за красивые глаза и не благодаря чьей-то протекции!

– Да я даже не думал о таком! – я смущенно опустил взгляд.

– Ну, не будем об этом, – легко оставил тему заведующий отделением. – Скажите, что же все-таки привело вас к нам? Вернее, что – это понятно, мне интересно, почему вы решили навестить Вышеславского? За все годы, что он провел в наших стенах, к нему приходил посетитель только один раз!

– Понимаете, я писатель, – начал я, – вот в поисках интересного сюжета я наткнулся на заметку об этом вашем пациенте и решил встретиться с ним и поговорить. Все это чистейшая случайность.

– Знаете, мы в нашем учреждении в случайности не верим, – произнес Михаил Адамович и зашагал по коридору.

Я последовал за моим провожатым. Пройдя по нескольким коридорам, навевающим воспоминания о советских поликлиниках, мы остановились возле лифта.

– Ваше упорство в стремлении встретиться с Вышеславским заслуживает более достойного применения, – сказал молодой врач, нажав кнопку вызова лифта. – У этого пациента очень интересное, я бы даже сказал, уникальное расстройство! Если вы читали заметку, вы понимаете, о чем я. В то же время он крайне опасен для окружающих, поэтому не удивляйтесь мерам безопасности, которые нам пришлось ввести для него.

– Я же писатель! В моем воображении, я уверен, все гораздо круче, чем может быть на самом деле, – самодовольно хмыкнул я. – Так что же, вы его держите в башне? На самом высоком этаже здания?

– Ну-ну, рад, что чувство юмора с вами, – сказал Михаил и нажал кнопку.

К моему удивлению лифт поехал вниз! Я прислонился к стене и подумал, насколько же глубоко располагаются этажи здания? Лифт стремительно мчался вниз, я не смотрел на табло, отсчитывающее этажи, но по ощущениям мы спустились на глубину нескольких километров.

– Да уж, с башней я, конечно, жестоко ошибся, – подавив дрожь в голосе, произнес я.

– Не переживайте – все ошибаются, – мягко улыбнулся Михаил Адамович. – Верхние этажи – это обычная клиника и административные службы. Все самое интересное здесь, на глубине.

Лифт, наконец, остановился, и мы ступили в белый, ярко освещенный коридор.

Вдоль белых стен выстроился строй военных, каждый из которых держал в руках автомат.

– Это еще зачем? – не понял я. – Тут же не тюрьма, если я правильно понимаю. Здесь вроде как лечат людей.

– Все верно, но после некоторых событий нам пришлось ввести такую форму охраны – для безопасности пациентов и самих себя, – Михаил Адамович смущенно развел руками.

– Прибыли, наконец! – низкий с хрипотцой голос раскатами грома прокатился по коридору. – Я уж думал, струхнул посетитель!

К нам приближался военный настолько широкий в плечах, что казалось, ему нужно идти боком в этом просторном коридоре. Грубо вытесанное лицо было гладко выбрито, через подбородок к левому уху пролегал рваный шрам. Зеленые глаза на выкате смотрели строго и насмешливо.

– А это начальник охраны отделения – Фома Брут, – представил военного Михаил Адамович.

– Можно без фамилии, – поморщился охранник. – Просто Фома.

Я еще раз внимательно осмотрел Фому – широченный охранник был на голову ниже любого из своих подчиненных, но, видимо, являлся непререкаемым для них авторитетом. Проходя мимо замерших, словно статуи, своих подчиненных, Фома пару раз зыркнул своими зелеными глазами, находя малейшие недостатки в форме и снаряжении бойцов, отдал несколько коротких приказов и, наконец, обратил свое внимание на меня.

– Этот, что ли? – игнорируя протянутую мной руку, спросил он Михаила. – Мелковат, предыдущий покрепче выглядел, и то сбежал от профессора, теряя тапки!

– Я крепче, чем выгляжу, – встрял я.

– Ну это мы еще посмотрим! – хохотнул Фома и ткнул меня кулаком в бок.

От легкого, казалось, тычка я согнулся пополам – силища у начальника охраны была просто нечеловеческая!

– Ну вот, а говоришь крепче! – Фома снова расхохотался.

– Ну, хватит! – прервал хохот Михаил Адамович, и, к моему удивлению, Фома вытянулся по стойке «смирно» и принялся поглощать глазами начальство. – Профессор уже доставлен для разговора?

– Так точно! – отрапортовал Фома. – Доставлен, подготовлен и проинструктирован!

– Куда вы его отвели? – заведующий отделением не смотрел на Фому, а пролистывал какие-то документы, переданные ему начальником охраны.

– Так в триста седьмой кабинет, как и в прошлый раз, – пожал плечами Фома.

– Отлично! Ведите! – Михаил посмотрел на меня и лукаво подмигнул.

Словно единый организм, все стоящие вдоль стен охранники повернулись в одну сторону, а я, Михаил и Фома заняли место в центре строя и двинулись вдоль по коридору.

Наша странная группа несколько раз свернула по коридору и остановилась возле стальной двустворчатой двери с кодовым замком.

– Первый, седьмой и двенадцатый – на месте, остальные занять периметр комнаты! Действуем по инструкции! – скомандовал Фома.

– Не понял? – возмутился я. – Вы что, будете торчать в комнате во время разговора?

– Конечно! Как иначе-то? – Фома удивился.

– Что вас смущает, Алексей? – мягко обратился ко мне Михаил Адамович. – Это стандартная схема, иначе мы не сможем гарантировать вашу безопасность!

– Да плевать мне на безопасность! – зло сказал я. – Мне сюжет нужен, и ради этого я готов рискнуть! Он же ничего не скажет под таким надзором! Вы серьезно так боитесь старика, что заходите к нему в комнату только со взводом автоматчиков?

– Старика? Боимся? – Фома чесал затылок. – Ты че, вообще ничего не знаешь?

– Да, мы боимся, – все также мягко сказал Михаил. – Боимся за вас. Не забывайте – это отделение для буйных! Вы понимаете, какой контингент у нас? На что способны люди, подобные Вышеславскому? Осознаете всю опасность?

– Да, осознаю, и готов пойти на этот риск! – упрямо мотнул головой я. – Если нужно что-то подписать – я готов! Но вот говорить с ним в вашем присутствии – нет уж, спасибо!

– Ну, ваше дело! – развел руками Михаил Адамович и кивнул Фоме.

– Отставить! – рявкнул Фома. – Занять позиции по схеме четыре!

Вооруженные парни выстроились в два ряда и заняли позиции вдоль стен, снова превратившись в живые изваяния.

Заведующий отделением набрал код на замке, и дверь бесшумно распахнулась.

– Если что, мы рядом, – прошепестел мне в ухо Михаил Адамович и закрыл за мной дверь.

Комната триста семь представляла собой обычный бетонный ящик без окон, тускло освещенный желтой лампой, забранной частой стальной сеткой. Посреди комнаты стоял стол и два жестких стула с гнутыми спинками.

Я подошел к столу, положил на него блокнот и ручку и сел на стул. Мой собеседник стоял в темном углу комнаты спиной к свету и не обращал на меня никакого внимания.

Я посидел в тишине несколько минут – мне необходимо было собраться с мыслями.

– Это давит, неправда ли? – раздался голос из темного угла.

– Что давит? – не понял я, очнувшись от своих мыслей.

– Знание, – загадочно продолжил голос, а старик так и не повернулся ко мне лицом. – Знание, что над вами столько тонн грунта, бетона и стали.

– Пока вы не сказали, я не особо-то задумывался над этим, – я передернул плечами, в голову впервые закрался страх, паника от нахождения на такой глубине в обществе человека, чьи намерения и мотивы были для меня загадкой.

– Вот именно! Никто не задумывается над очевидным! – Вышеславский развернулся и в одно движение оказался возле стола, его ладони вцепились в столешницу, старик придвинул

свое лицо ко мне. – Все видят, но не придают значения! Не понимают! Смотрят, но не видят! Только если ткнуть их носом в факты, только тогда наступает прозрение!

– Это вы сейчас о глубине? – я невольно отодвинулся от собеседника.

– Это я обо всем! – Вышеславский расслабился и присел напротив меня. – Знаете, ко мне давно никто не заходил.

– Ну да, – кивнул я. – Попасть к вам довольно сложно. Куча проверок и бумажной волокиты!

– Не заходил, – словно не слыша меня, продолжил старик, – потому что я не хочу никого видеть! Я отказывал во встрече журналистам и писателям уже много лет!

– Почему же? – заинтересовался я и открыл блокнот.

– Все эти самодовольные бумагомараки не смогут понять, поверить в мою историю! Мне нужен был человек незамутненный, с чистым видением, наивный и простой!

– Ну так уж и простой, – сказал я, немного обидевшись.

– Именно так! Вы думаете, вас проверяла служба охраны? О, не только, не только! Я тоже навел некоторые справки! – Владимир Семенович сложил руки на груди и покачался на стуле.

– Интересно, как? Вряд ли у вас тут интернет в свободном доступе, – съехидничал я.

– У меня свой интернет, уважаемый Алексей Константинович, 1992 года рождения, адрес: улица Полевая, дом 43, квартира 11.

– Что? Вы откуда... – у меня перехватило дыхание.

– Я же сказал, я тоже навел справки! – отрезал Вышеславский и хлопнул ладонью по столу.

– Ну, хорошо, – я решил не провоцировать странного деда на агрессию. – Вы навели обо мне справки и решили со мной встретиться.

– Да, так и есть, – собеседник положил ладони на стол и выпрямился на своем месте, давая мне возможность рассмотреть его.

Внешность у Владимира Семеновича была примечательная – даже сидя на стуле, он, очевидно, был выше меня и тяжелее килограмм на десять, широченные ладони с сильными пальцами говорили о недюжинной физической мощи. Длинные седые волосы были собраны на затылке в хвост, тонкий аристократический нос с легкой горбинкой украшали очки в металлической оправе. Холодные голубые глаза смотрели твердо, правда, смотрели они не в глаза собеседника, а куда-то поверх плеча, словно стараясь рассмотреть что-то за моей спиной. Я невольно ощутил желание обернуться.

– Не переживайте, – заметил мою нервозность Вышеславский, – это старая привычка. Я знаю – вы не из них.

– Кого «них»? – не понял я.

– Тех, кто меня сюда упек, тех, с кем я сражался уже довольно давно, еще до вашего рождения! – Владимир Семенович снова покачался на стуле. – Вы ведь ради этой истории сюда пришли?

– Д-да, – чуть запнулся я, – я прочитал заметку в одной газете...

– Да, я помню, тот журналист казался чистым и честным, но, к сожалению, недостаточно чистым, и я не рассказал ему всего, что знаю, – голос собеседника упал до шепота.

– А что же вы знаете? – также шепотом спросил я.

– Терпение, Алексей, вы все узнаете, – произнес мой собеседник, и я принялся с лихорадочной скоростью строчить в блокноте, записывая удивительную историю жизни Владимира Семеновича Вышеславского.

Родился Владимир в семье военного моряка в одном приморском городке. Рос, как и все дети – бегал, прыгал, хулиганил, периодически болел, дрался, влюблялся.

В раннем возрасте Володя увлекся мифологией и с упоением читал мифы древних народов, затем славянские мифы, в более сознательном возрасте дотянулся он и до религии.

В Советском Союзе изучение религии было представлено слабо. Воинствующий коммунистический атеизм еще не приказал долго жить, и заняться вплотную своим увлечением Володе не удалось. Он поступил на исторический факультет известного вуза и честно окончил его спустя пять лет, получив красный диплом историка.

Еще спустя несколько лет Вышеславский стал самым молодым преподавателем кафедры истории своего вуза, и теперь с полной отдачей занялся изучением религиозных верований разных народов. Связь нашего мира с миром потусторонним, то, как она описана в легендах, влекло его с необоримой силой. Вышеславский ездил в экспедиции, разгадывал тайны древних рукописей, зачастую проводя дни и ночи в библиотеках.

Несмотря на свою одержимость историей религии и подоплекой мифов, в этот период Владимир Семенович женился и стал счастливым отцом – его горячо любимая жена Елена подарила молодому ученому сына, которого называли в честь отца Вышеславского – Семеном.

Жизнь была прекрасна и полна радужных надежд и перспектив, но как это часто бывает – беда караулила Вышеславского неподалеку.

Владимир отпер дверь своим ключом, так как на его звонок в дверь никто не ответил.

– Семейство! Куда запропали? Разве так встречают отца из командировки? – молодой ученый повесил плащ на крючок и, подхватив пакеты с сувенирами из одной африканской страны, бодрой трусцой побежал в комнату.

Владимир остановился на пороге, руки его ослабели, и содержимое пакетов рассыпалось по полу.

В комнате царил разгром – диван перевернут, стекла в серванте, подаренном родителями жены на свадьбу, разбиты. По полу были разбросаны обложки книг, какие-то клочки бумаги, всюду были перья и пух из выпотрошенных подушек. За обеденным столом, накрытым на четыре персоны, сидело два человека – парень гориллообразной внешности и миловидная миниатюрная брюнетка в короткой юбке и вызывающе расстегнутой кофте.

– Вы кто такие? – опешил Владимир. – Что тут делаете? Где моя семья?

– Ты, Володя, присядь, – заговорил мужчина, повернувшись впол оборота к хозяину дома – от этого движения пиджак, в который был одет незнакомец, затрещал по швам. Незнакомцу явно тесен был костюм, скрывавший мощную мускулатуру парня.

– Никуда я не сяду! – закричал Владимир. – Я сейчас милицию вызову!

– Сядь, тебе сказали! – голос брюнетки хлестнул, как плеть, и хозяин дома почувствовал, как его ноги, игнорируя веление мозга, направились к стулу.

– Ого! Сопротивляется! Теряешь хватку, Алевтина! – осклабился мужчина, за что получил от девушки горящий злобой взгляд.

– Сядь! – еще раз приказала девушка, и Владимир опустил на стул. – Как же вы мне надоели! Лезете не в свое дело, а потом еще ноете!

– Вы это о чем? – не понял Вышеславский. – Послушайте, если вам нужны деньги, то забирайте, только уходите, я даже в милицию заявлять не буду! Где мои жена и сын?

Страх за родных заставлял Владимира говорить быстро и нервно.

Незванные гости обменялись понимающими взглядами. Говорить продолжил мужчина:

– Владимир Семенович, так сложились обстоятельства, что нам пришлось вмешаться. Ваши труды по изучению демонологии и оккультных наук подвели вас слишком близко к запретному знанию. В таких ситуациях вмешиваемся мы.

– Кто вы такие? Где мои родные? – гнул свою линию Вышеславский.

– Заткнись! Говорить будешь, когда я разрешу! – холодный голос девушки захлопнул рот Вышеславского.

– Ну, зачем же так грубо, Алевтина! – амбал с укором посмотрел на напарницу, та сделала вид, что ничего не заметила.

– Так вот, Владимир, мы команда зачистки, наша задача не допустить утечки сведений.

– Каких еще сведений? Кодов ракет я не знаю, явок и паролей тоже! Вы что, американские шпионы?

Парочка переглянулась и расхохоталась в голос. В их смехе Владимир уловил нотки безумия.

– Ну, можно сказать, шпионы, только не американские, – амбал смахнул несуществующую слезу с левого глаза. – Ты влез в дела, которых не понимаешь, твои работы грозят раскрыть самую важную тайну человечества! Поэтому мы здесь, поэтому все так получилось.

– Что произошло? – по спине Владимира пробежал холодный пот. – Где моя семья, кто вы такие?

– Аз есмь кара небесная! – поднялся во весь рост парень, и оказался ростом почти до потолка, за спиной парня Володя разглядел белоснежные крылья.

– Ну не можешь ты без пафоса! – фыркнула девушка, и Вышеславский с ужасом увидел, как перекосилось миловидное лицо, во рту проглянули острые игольчатые зубы, за плечами колыхнулись кожистые демонические крылья. – Пора заканчивать с ним!

– Где мои родные! – Володя рванулся изо всех сил и с удивлением обнаружил, что может двигаться.

Молодой человек схватил за ножки тяжелый венский стул и с размаху обрушил его на недоумевающего амбала, имевшего неосторожность повернуться к хозяину дома спиной. Высоченный человек застонал и упал на одно колено, сразу растеряв всю свою ангельскую мощь.

– Алевтина! Твою чертову мать! Какого хрена ты его отпустила? – простонал с пола парень.

– Это не я! – в голосе демонессы слышалась истерика. – Он сам освободился! Это невозможно!

Владимир не обращал внимания на стоны ангела и бесноватые крики демонессы, он промчался по квартире, распахивая все двери, в поисках своих родных.

«Только бы найти! А там выберемся!» – стучало в голове Вышеславского.

Ученый пинком распахнул дверь в детскую и замер на месте, как вкопанный – сине-зеленые обои, о которых они так долго спорили с женой, теперь были красно-бурого цвета. На противоположной от входа стене была распята вверх ногами его жена. Лицо и тело ее были превращены в ужасающую кровавую кашу. Владимир повел взглядом – на детской кровати лежал неестественно маленький комок, завернутый в веселый плед с героями мультиков, из пледа торчала маленькая ручка бледная до синевы, на запястье красовались подаренные на пятый день рождения часы. Стрелки остановились на двенадцати.

Владимир подошел к кровати сына и потянул руку с часами. Плед развернулся, и Вышеславский как на ужасной скатерти обнаружил своего сына – все части тела отдельно. Голова, руки, ноги, туловище – все было аккуратно с маниакальной педантичностью разложено на пледе.

Владимир отшатнулся и, пятясь, вышел из комнаты.

– Ты зачем так? – услышал он возмущенный голос амбала. – Договорились же, что все чисто сделаем!

– А что нечисто? – хихикнула брюнетка. – Вам, небесным чистоплюям, всегда все не нравится! Смотри, как аккуратно я мальчонку разложила! Как в ресторане!

Владимир вздрогнул, и его кулак, описав короткую дугу, врезался в голову девушки. Раздался мокрый треск, и демонесса согнулась пополам.

– Ах ты ж сука! – прохрипела она. – Ты мне нос сломал!

– Это тебе за дело, – мягко произнес амбал. – Все, пора заканчивать! И так наследили больше, чем нужно.

Владимир повернулся на голос. Последнее, что он увидел, был огромный меч, несущийся острием ему в грудь. Ни увернуться, ни защититься возможности не было, и смертоносная сталь вонзилась в тело молодого ученого. Свет померк.

– То есть как? – вскочил я с места. – Вас что, убили?

– Это единственное, что вас поразило в моем рассказе? – Владимир Семенович рассмеялся. – А как же демоны, ангелы?

– Ну не знаю! Вам точно не померещилось? – я скептически смотрел на собеседника.

– Возможно, – легко согласился мой собеседник. – Все можно объяснить моим страхом, ужасом от произошедшего, списать то, что я видел, на шок, но что вы скажете на это?

Вышеславский распахнул на груди рубашку, и на коже, испещренной разного вида татуировками, я с ужасом увидел огромный шрам в середине грудной клетки. Шрам был старый, но все равно отчетливо выделялся белизной на черной от татуировок коже.

– Не знаю, как и почему я выжил, но именно этот шрам заставляет меня держаться, заставляет верить, что все, что я видел, все произошедшее со мной – это не плод моего воображения!

Владимир Семенович говорил горячо и убежденно. Я писал в блокноте, стараясь не упустить ни единого слова.

Внезапно мне показалось, что стены кабинета качнулись, с потолка посыпалась легкая пыль.

– Это не лечебница, это кошмар какой-то! – воскликнул я. – Еще немного глубже, и мы бы с вами в аду беседовали!

– Алексей, вы не представляете, как недалеко вы сейчас от истины! – горько усмехнулся старый профессор. – Эта лечебница – всего лишь прикрытие для грязных делишек небесной канцелярии и адских служб. Здесь они держат неугодных, здесь пытаются и мучают людей, имевших несчастье перейти им дорогу.

– Ну нет! Поверить в ограбление, жестокое убийство родных, да даже в чудесное спасение после колотого ранения в грудь я могу! Но то, что говорите вы о демонах и ангелах – это, извините меня, полный бред! Нужно быть сумасшедшим, чтобы поверить в такое!

Последнюю фразу я практически выкрикнул в лицо собеседника.

– Я понимаю, принять это сложно, поверить еще сложнее! Ведь столько лет вам показывали и рассказывали, что нет ничего сверхъестественного на свете, что наука может объяснить любое явление! – Владимир Семенович кивал на каждую фразу. – Но попробуйте теперь отрицать все догмы, все убеждения! Просто прислушайтесь!

Я затаил дыхание и стал слушать. В полнейшей тишине подземной лечебницы мне вдруг послышались крики боли, ужаса и страданий – я почувствовал жар пламени, поднимающийся от пола, ощутил близость огненной бездны.

– Хватит! Хватит! – крикнул я. – Это все ваши штучки и мое нервное состояние! Нет этого всего! Нет! Не может быть!

– Садитесь, Алексей, – мягко сказал профессор. – У нас не так много времени, а рассказать я должен еще немало.

Я дрожащими руками придвинул стул, поднял с пола упавший блокнот и снова приготовился слушать и записывать.

– Вы верно уловили суть, – продолжил Вышеславский, стоя спиной ко мне. – Убедить себя в собственной вменяемости было очень сложно. Когда я очнулся в больнице, я раз за разом прокручивал в голове события того ужасного дня, вспоминал все вплоть до мелочей. Померещились ли мне крылья за спинами убийц, действительно ли девушка обладала какой-то магией или это просто шок был у меня? Действительно ли меня пронзил меч? Я долго размышлял, я погрузился в чтение. Когда меня выписали из больницы, я естественно не смог вернуться в свою квартиру. Распродав все свое имущество, обрубив все связи с прежними знакомыми,

я отправился путешествовать, по крупицам собирая информацию о присутствии на нашей планете потусторонних сил. Пришлось продираться через тонны лживых свидетельств, толковать туманные пророчества лжеясновидцев. Я с маниакальной настойчивостью искал сведения и доказательство их присутствия, но с еще большим упорством я искал способы борьбы с ангелами и демонами! Мсть стала смыслом моей жизни!

– И вам что-то удалось найти? – я жадно впитывал все, что говорил профессор.

– Представьте себе, нет! Изучение манускриптов и глиняных табличек не дали ровным счетом никакого результата! Все мои поиски были тщетны! Я уже начал терять надежду, мне казалось, что для меня остается только один путь – самоубийство! Ведь, покончив с собой, я непременно попаду в ад! И там уже разберусь со всеми его полчищами! Так самонадеянно думал я безумный, одержимый мстью!

– Так, а что же произошло? – я был в недоумении. – Как вы научились их видеть, бороться с ними?

– Все было банально просто! – горько рассмеялся Владимир Семенович. – Знаете такую притяжку: «Хочешь что-то спрятать – спрячь у всех на виду»? Вот и эти сверхъестественные твари прятали сведения о себе в самом очевидном месте – в Библии! А со временем с развитием фантастической литературы, кино и видеоигр они настолько плотно внедрили свой образ в сознание человечества, что теперь никто не верит ни в ангелов, ни в демонов и тем более не боится их! Ведь столько раз brave герои комиксов или игра предотвращали апокалипсис, выпиливали, простите за жаргон, толпы бесов и ангелов! Ну как их всех бояться-то!

– Согласен! – кивнул я. – Массовая культура уничтожила мистическую бдительность людей!

– Вот и я о чем! – горячо кивнул профессор.

– Подождите! Ну а как же вы понимаете, кто перед вами – человек, демон или ангел?

– Да, это сложная задача! Тут главное – это тренировка! Вычислить потустороннее можно по нескольким признакам. Во-первых, ни демоны, ни ангелы не переносят, если к ним стоять спиной и при этом разговаривать. Этим тварям важен зрительный контакт! Рассмотреть же их крылья можно и невооруженным взглядом, но только если не смотреть в упор! Только периферическое зрение способно рассеять дымку. Это похоже на то, как плавится воздух в летнюю жару. Замечаешь легкую рябь над плечом человека, отпускаешь зрение, не контролируешь его мозгом – и вуаля! – начинаешь видеть либо перья, либо рога и копыта!

– Так вот почему вы стояли спиной ко мне, когда я вошел! – осенило меня.

– Да, все верно! Как я сказал, я проверил вас по своим каналам, но перестраховаться все же нужно было, – Владимир Семенович виновато поднял руки. – Простите за такую проверку.

– Да ничего страшного, я бы на вашем месте поступил точно также, – улыбнулся я.

– Ну что, продолжим? – Вышеславский снова присел на стул и приготовился говорить.

Я сосредоточился, стараясь не обращать внимания на звучащие в ушах крики ужаса и боли.

– Продолжайте, – сказал я, и старый профессор повел свой рассказ дальше.

Холодный ветер бил в лицо, резал щеки острыми краями снежинок, забирался в ворот пальто, выдувал тепло. Владимир стоял в темной подворотне рядом с пафосным ночным клубом. Ноги в хороших меховых ботинках покрывал снег, доходя уже почти до щиколоток. Владимир не чувствовал холода, не смотрел на часы – внутренний хронометр работал отлично. Мужчина знал, что простоял в подворотне ровно три часа семнадцать минут – это было неважно.

Яркие огни клуба резко контрастировали с темнотой подворотни, так что разглядеть стоящего в тени Владимира с ярко освещенного проспекта не было никакой возможности, а сам он отлично видел вход в заведение.

– Как всегда свет и темнота стоят рядом, грязь и убожество граничат с красотой и радостью. Все так близко, все так очевидно, но, чтобы заметить эту грань, увидеть тьму и свет, нужно приложить немало усилий, на которые не способно большинство людей.

Мысли Владимира переключились на сегодняшний план. Он пробежался по пунктам, отметил уязвимости в своих действиях, те моменты, где ему пришлось положиться на волю случая. Мужчина сжал в руке костяной клинок – рукоятка лежала в ладони, как влитая. Кинжал был теплый. Владимир сжал рукоятку сильнее – клинок отозвался легкой вибрацией.

Выточенный из кости убитого сына нож был единственным оружием, которое могло причинить вред убийце семьи Владимира.

Мужчина вздрогнул, вспоминая, с каким ужасом он осознал, что за оружие ему необходимо для его борьбы, как дрожащими руками разбрасывал влажную землю с могилы сына, как, борясь с тошнотой, извлекал кость из мягкой полурасложившейся плоти, и как после, рыдая, вытачивал из кости оружие.

Непрошенные слезы навернулись на глаза, но мужчина усилием воли подавил желание разрыдаться – не время сейчас скорбеть. Владимир пришел мстить, и в его сердце сейчас не было никаких чувств – только холодная сосредоточенность убийцы. Вышеславский перерос гнев, поняв, что тот – не помощник на его пути, преодолел скорбь и чувство бессилия, он стал холоден как лёд. Эмоции в деле, которое выбрал себе Владимир в качестве цели в жизни, были излишни и вредны.

Кинжал завибрировал сильнее, предупреждая хозяина о приближении цели. Владимир прищурился против ветра. Дверь клуба распахнулась, и, хохоча в клубах пара, на заснеженную улицу вышла парочка – парень лет двадцати пяти и миниатюрная брюнетка, не по погоде одетая в мини-юбку и красную кофту с глубоким вырезом.

Вышеславский невольно подался вперед всем телом, желая подскочить к демонессе и вонзить кинжал туда, где у людей находится сердце. Владимир сдержался – поспешность не привела бы ни к чему хорошему, отхождение от плана грозило Владимиру смертью и, что еще страшнее, неудачей дела всей его жизни! Мужчина снова замер в тени, ни единым движением не выдавая своего присутствия, даже дыхание его стало холодным – пар больше не вырывался изо рта.

Парочка упоенно целовалась под светом витрины клуба, прерываясь, чтобы перевести дыхание и еще вдоволь похохотать. Девушка, смеясь, потянула парня в сторону темной подворотни, и Владимир перестал дышать вовсе. Он караулил брюнетку возле клуба уже несколько недель – всякий раз занимал позицию в тени и выжидал удобного случая, но девушка постоянно уезжала из клуба на автомобилях своих парней. Сегодня же все пошло по плану Владимира: он знал, что рано или поздно случай представится – всего-то нужно было ждать.

Ждать Вышеславский умел, вернее, научился за долгие годы поисков информации о демонах и ангелах, в бессчетных попытках найти единомышленников и тех, кто верит ему, в бесконечных очередях в кабинеты правителей государств и высших сановников церкви. Везде он слышал одно и то же – отказ, насмешки и угрозы отправить его в сумасшедший дом. Владимир ждал, ждал долго. Он растратил свою молодость на изучение оккультизма и религии, демонологии и ангелологии, и вот теперь пришло, наконец, время применить знания на практике! Владимир знал – рука его не дрогнет! Он долго следил за брюнеткой, боялся ошибиться, боялся причинить вред невинному человеку, но чистое зрение, которому его научил один из индейских шаманов, не подвело: Владимир спустя несколько попыток все же рассмотрел кожистые крылья за спиной девушки. Сомнений не было – это она демон, что зверски уничтожил семью Вышеславского.

Парочка приблизилась к месту, где скрывался Владимир. Парень прижал брюнетку к стене, его руки жадно зашарили по телу девушки, та откинула назад голову и рассмеялась. Вышеславский бесшумно возник за спиной ничего не подозревающего парня и ударом в заты-

лок отправил его в нокаут. Демонесса резко перестала смеяться и с удивлением, переходящим в ужас, уставилась на темный силуэт. Кинжал, вибрируя в предвкушении мести, летел прямо в грудь девушки, но, не дойдя нескольких миллиметров до тела, замер. Владимир сильнее надавил на рукоять, но нож не двинулся. Девушка расхохоталась, ее глаза вспыхнули оранжевым пламенем.

– Не так просто, идиот! – прошипела она и, схватив запястье Владимира, резко развернулась, впечатав мужчину спиной в холодную стену. В глазах Вышеславского потемнело от удара. Спину пронзила острая боль в районе поясницы.

– Ну-ка, посмотрим на тебя! – игриво произнесла девушка, и на ее ладони заплясал язык оранжево-черного пламени. – Кто ты такой? Кто послал тебя?

Владимир с ненавистью посмотрел в огненные глаза демонессы.

– Не может быть! Ты мертв! – взвизгнула брюнетка, на мгновение потеряв бдительность, чем не преминул воспользоваться Владимир.

Он изо всех сил рванулся, освобождаясь от хватки девушки, и бросился бежать по переулку прочь от клуба.

– Беги! Беги, сволочь! – летел ему вслед крик обезумевшей от ярости брюнетки. – Так и знала, что крылатые чистоплюи не смогут нормально сделать работу!

Владимир добежал до черного хода клуба, толкнул дверь и очутился в темном коридоре подсобных помещений. Преодолевая боль в спине, он двинулся вглубь здания. Позади раздались шаги девушки.

– Тебе не скрыться от меня, – со смехом пропела она. – Не убежать и не спрятаться! Скоро присоединишься к своей шлюхе-жене и ублюдку-сыну!

Хохот демонессы эхом отражался от кирпичных стен, давил на уши, заставлял терять рассудок, но Владимир продолжал двигаться вперед.

Вышеславский ввалился на кухню клуба: людей здесь уже не было, только на плите стояла огромная кастрюля, в которой закипала вода – видимо, нерадивый повар ушел и забыл выключить плиту. Владимир сбросил крышку с огромной, литров на тридцать, емкости и, превозмогая боль в руках, опустил в кипяток кинжал и серебряный крест, снятый им с тела жены.

Слова молитвы вспоминать не пришлось – губы сами шептали нужное, Владимир силой воли заставил руки погрузиться все глубже в кипяток. Кожа на руках пошла волдырями, когда молитва была произнесена и мужчина, шипя от боли, вытащил руки из кастрюли. Серебряный крест почернел, а кинжал стал заметно отливать металлом.

– Я уже рядом, – снова пропела демонесса, входя на кухню. – Надеюсь, ты подготовился! И выкинь свою игрушку, она тебе не поможет! Не сможет человек убить демона!

Брюнетка расхохоталась, одежда на ней вспыхнула и сгорела, осев на пол масляными хлопьями. Демон во всей красе предстал перед Владимиром, с трудом удерживающим в обожженных руках кинжал.

– Малыш обжег пальчик? – вновь рассмеялась демонесса. – Ну это ничего, это не больно! И в тысячную долю не больнее того, что я с тобой сделаю!

Огненная фигура стремительно понеслась на Владимира, вытянув лапы с бритвенно острыми когтями. Владимир был готов к броску противника, он ушел от удара когтей и, развернувшись, выплеснул на демона кипящую воду из кастрюли. Демонесса завизжала, пламя на ее теле исчезло, превратившись в смрадный пар. На грязном полу кухни, скуля от боли, скрючилось уродливое тело, ничем не напоминающее о былой кричащей сексуальности демонессы.

Владимир перевел дыхание, поудобнее перехватил костяной кинжал и двинулся к лежащей фигуре.

– Нет! Нет, не надо! Умоляю! Я всего лишь выполняла приказ! Я ничего не имела против тебя и твоих родных! – демонесса тщетно пыталась отползти подальше от надвигавшегося

на нее мужчины. – Не делай этого! Я могу тебе помочь! Мы вместе сможем охотиться на пернатых ублюдков! Я многое знаю, я буду полезной!

Владимир не слушал ее. Он направил кинжал в грудь демонессы – в этот раз костяное лезвие легко вошло в демоническую плоть, с громким хрустом проломило грудную клетку и добралось до черного сердца демона.

Фигура на полу всхлипнула совсем по-человечески, черные, обожженные ноги несколько раз дернулись в конвульсии и навсегда замерли. Владимир, обессиленный, упал на спину рядом с поверженным врагом. Грудь его бурно вздымалась, воздух с хрипами проникал в легкие, спина нещадно болела, а от ожогов хотелось выть и кататься по полу.

Владимир пролежал, собираясь с силами, около часа. Внутренний будильник подсказал, что на улице уже рассвело, и скоро на кухню прибудет первая смена работников, а значит, необходимо поторопиться.

Вышеславский поднялся, снова поудобнее перехватил кинжал и методичными движениями принялся отделять голову демонессы от туловища.

– Какой ужас! – произнес я, откинувшись на спинку стула. – То есть, вам удалось убить демона? А что стало с телом? Ведь следы вашей схватки должны были быть повсюду. То есть, ну после такого-то уж точно были бы доказательства вашей правоты!

– Сложность убийства демона в том, что после смерти они превращаются в обычных людей, – покачивая головой, произнес седовласый профессор. – Для всей общественности мои действия выглядели и выглядят как жестокие убийства.

– А вы не думали, что это так и есть? – не удержался я от жестокого вопроса. – Что все ваши действия – это просто мания сумасшедшего? Что вы не зря сидите в этом чудовищном месте? Может быть, вы убили обычную девушку?

– Это не так! – жестко прервал мою тираду Вышеславский и вскочил со стула. – Я все досконально проверил, я провел в наблюдении и изучении этих тварей долгие годы! Ошибки не было! Это они убеждают всех в том, что я жестокий психопат! Я один знаю правду! Только я!

Старый профессор не на шутку разбушевался, и я начал подумывать о том, чтобы выскочить из комнаты и предоставить право разбираться с этим психом службе охраны и Михаилу Адамовичу, но неожиданно мой собеседник уgomонился и снова присел на стул. Тон его речи сменился – Вышеславский снова говорил спокойно и размеренно, интеллигентная речь подействовала на меня успокаивающе, и я решил послушать, что еще расскажет сумасшедший старик.

– Нет, ошибки не было, – устало произнес Владимир Семенович. – Голова демона, отделенная от туловища, не изменила формы. Я принес ее в свое убежище и сжег, согласно правилам. Самое интересное, что сажа после сожжения осталась на моих руках. Чем я ее только не тер! Я размазывал черную субстанцию по ладоням, запястьям, потом по плечам. Меня словно окутывала новая, черная кожа. В конце концов, я оставил попытки смыть с себя следы сожжения. Черные разводы на моем теле превратились в татуировки, смысл которых я не сразу разгадал.

Вышеславский закатал рукава рубахи и продемонстрировал мне руки, покрытые черной вязью то ли рун, то ли еще каких непонятных и позабытых символов. Я потянулся было к этим рисункам, желая провести пальцем по узорам, но профессор резко отдернул руки и вновь скрыл татуировки под рукавами рубашки.

– Все мое время, Алексей, – загадочно проговорил он.

Я задумчиво потер подбородок: слишком уж нормальным выглядел мой собеседник, слишком уж пугающей была эта нормальность! Если бы он с пеной у рта доказывал, что не псих, что только он один знает правду, я ни секунды бы не сомневался в его невинности, но старый профессор рассуждал логически, говорил ровно и спокойно. В моей душе поселились сомнения, я не знал, чему верить. Разумом современного, прогрессивного человека я понимал,

что никаких ангелов-демонов не существует, что всю эту мифологию придумали люди, чтобы управлять другими людьми, держать в узде общество! Вышеславский утверждал другое – он не пытался обратить меня в свою веру, наставить на истинный, как ему казалось, путь! Седовласый профессор просто рассказывал свою историю, предоставив мне возможность самому делать выводы.

– Ну хорошо, – задумчиво проговорил я. – Допустим, вы уничтожили демона, ну а как же быть с другими? С ангелами? Их вы тоже уничтожали?

– О да! С ними все гораздо проще – чтобы убить ангела, необходимо лишить его крыльев, сделать простым человеком! И с этим проблем не возникает обычно. Проблема с ангелами в том, что, будучи убитыми здесь, они возрождаются на небесах, и все повторяется снова! По-настоящему уничтожить пернатого можно, только убедив его в том, что он согрешил! Вот тут-то и конец ему. Пернатый развоплощается и больше не может вернуться в наш мир. Плохо, что все ангелы твердолобы и абсолютно убеждены в своей непогрешимости! Даже массовое убийство детей они могут легко объяснить всеобщим благом и остаться в чистых одеждах! Ангелы не видят зла, не совершают зла и не знают о зле! Для них это все естественный ход вещей. Возможно, именно поэтому Господь и создал людей – ангелы получились уж слишком бесчеловечными, искусственными! Для них не существует выбора, а если нет выбора, то нет и души. Только делая выбор, человек становится человеком; да, подчас злым и жестоким, но человеком, а не бездушной машиной с крыльями!

Вышеславский шумно выдохнул и потянулся на своем стуле.

– Скажите, а вы не пробовали предать огласке это вторжение? – я заинтересованно поерзал на жестком стуле.

– Конечно, пробовал! – Владимир Семенович опустил руки вдоль тела и твердо посмотрел мне в глаза. – Не все следы им удастся замести, нужно только открыть глаза и начать видеть!

Вышеславский привалился к дереву, с трудом переводя дыхание.

– Какой приткий гад, оказывается! – немолодой мужчина упер ладони в колени и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Дыхание восстановилось, и Владимир Семенович быстрым шагом пошел вглубь леса в сторону доносящихся из-за деревьев стонов боли.

После первого убийства демона прошло около десяти лет, страна, в которой жил профессор, перестала существовать, но это было на руку охотнику на потустороннее. В водовороте событий девяностых годов он сумел затеряться и сбить со следа охотившихся на него представителей ада и небесной канцелярии.

Владимир Семенович пропал из их поля зрения, но сам при этом не терял из виду своих врагов. Он продолжал собирать информацию, изучать оккультные науки и уничтожать демонов и ангелов всеми доступными ему способами. Молодость осталась далеко позади, зрелость уже была на излете. Профессор чувствовал приближение старости и задумался о последователях, но для того, чтобы убедить кого-то в своей правоте, нужны были неопровержимые доказательства!

Вышеславский вышел на небольшую полянку, окруженную высокими березами – посреди поляны, припав на одно колено, стоял немолодой полноватый мужчина. Покрытая испариной лысина блестела от пота, толстяк тяжело дышал и порывался встать, но силы явно покинули его.

Вышеславский тяжелой походкой подошел к мужчине.

– Ты не ведаешь, что творишь! – взвизгнул мужчина и попытался вскочить, но Владимир легко поймал его за потрепанное ангельское крыло, второе крыло отсутствовало и, как показывал окровавленный обрубок кости, потерял его владелец не в давке в общественном транспорте.

– Я все ведаю, – мягко проговорил седой профессор. – Мне нужен ключ, вот и все. Отдай мне его, и можешь быть свободен!

– Правда? – толстяк с мольбой посмотрел в холодные глаза Владимира.

– Честное слово! Мне нужен только ключ! – Вышеславский требовательно протянул руку.

Ангел, стenea и плача, запустил толстые, короткие пальцы под грязную рубаху и извлек на солнечный свет серебряную цепочку, к которой был привязан старомодный медный ключ с четырьмя бороздками.

Владимир сорвал ключ с шеи ангела и спрятал в карман.

– Ваш архив, все записи, наконец, я добуду доказательства ваших делишек! – профессор, наконец, позволил себе улыбнуться.

– Ты обещал, что я буду свободен! Ты получил, что хотел! – заныл толстяк.

– Эй! Я свое слово держу! Не то, что вы! – прикрикнул на него Владимир Семенович. – Ты свободен!

Ангел встал и, прихрамывая, направился прочь с полянки. Владимир устало посмотрел ему в спину, вскинул руку и поймал проплывавшее мимо него крыло за длинные маховые перья.

Толстяк завизжал и попытался освободиться, но тщетно. Блеснула сталь, и на траву брызнула кровь. В руках Владимира Семеновича осталось ангельское крыло.

– Ты сказал, что отпустишь меня! – завыл толстяк.

– Ты свободен! – сказал Вышеславский, вгоняя лезвие в глаз ангела. – Все равно вернешься через время.

Профессор протер нож о траву, хлопнул себя по карману, проверив, что ключ на месте, и легкой походкой зашагал прочь с поляны.

Библиотека располагалась в здании, которое построили еще до коммунизма, и занимала весь первый этаж. Рядом текла бурная жизнь: сменялись магазинчики вокруг, перестилался асфальт, происходили разборки бандитских группировок, а библиотека работала в штатном режиме – с девяти до шести по будням, и с полудня до пяти в субботу и воскресенье. Казалось, время не властно над этим зданием. Не властно оно также было и над библиотекаршей: немолодая, но еще бодрая женщина Зинаида Петровна отпирала библиотеку каждое утро и запирала каждый вечер – так было всегда. Старожилы района и постоянные посетители храма книг не задавались вопросом, как давно сидит за канцелярской стойкой эта женщина.

Зинаиде Петровне на вид было около пятидесяти лет, одевалась она соответственно занимаемой должности – строгая юбка в пол, свитер под горло, каштановые волосы с проседью собраны в тугий узел на затылке, на носу очки, от дужек которых висала тонкая цепочка.

Владимир Семенович ходил в эту библиотеку уже около пяти лет. Ровно в одиннадцать часов утра он, облаченный в потертое серое пальто, входил в деревянные двери библиотечного зала с неизменной авоськой книг в руках.

Первое время Зинаида Петровна настороженно относилась к незнакомому посетителю, на вопросы отвечала односложно и на контакт не шла, но со временем сердце ее оттаяло, и двое пожилых людей часто засиживались в библиотеке после закрытия, попивая чай, вспоминая былые времена и рассуждая о литературе.

Зинаида Петровна оказалась кладезем информации о старинных книгах, и Владимир Семенович пользовался энциклопедическими познаниями женщины в области древней литературы, мифов и преданий.

На ангельские крылья за спиной работницы библиотеки Вышеславский не обращал внимания – так было нужно для дела. Долгие кропотливые поиски, допросы и сидение над книгами дали-таки результат! Старый профессор наткнулся на сведения об ангельском архиве, крылатые жители небес, в отличие от своих адских коллег, педантично протоколировали свое присутствие в мире людей, заноса каждый поступок в книги бытия, и хранили весь этот архив в одном месте.

Старый профессор долго выяснял местонахождение архива и еще дольше выяснял, как в него попасть. Нужно было разрешение библиотекаря и ключ архивариуса.

С ключом было просто – выследить толстого архивариуса было делом техники, добыть ключ – делом умения и мастерства, а вот получить разрешение библиотекаря – это была задачка посложнее! Силой вырвать такое разрешение нельзя, требовалось действовать тонко и умно.

Владимир Семенович пару раз посетил библиотеку под видом празднующегося горожанина, оценил обстановку и строгость Зинаиды Петровны. Легко и просто попасть в архив не получится, штурмом эту крепость не взять, требовалась методичная осада.

Вышеславский снял квартиру неподалеку от библиотеки, все чин по чину – прописка у него была местная, он выправил себе документы, даже устроился на неполный день в одну из местных школ дворником и зачастил в библиотеку. Читать он любил с детства, а годы академических изысканий научили его не только проглатывать информацию, но и систематизировать ее, отбрасывая ненужное, оставлять саму суть книги.

В первый год осады Владимир Семенович почти не говорил с Зинаидой Петровной, обмениваясь сухими общими фразами, но читал он при этом просто в огромных количествах. Сотрудница библиотеки поначалу с подозрением отнеслась к посетителю, бравшему в день по две-три книги и возвращавшему их буквально через пару суток. Зинаида Петровна устроила для Вышеславского целый экзамен по содержанию прочитанных книг, и, к ее полному удивлению, Владимир Семенович легко и непринужденно пересказывал романы Достоевского и Толстого, наизусть читал отрывки из греческих поэм, а уж стихов в его памяти хранилось столько, что можно было просидеть всю ночь, слушая, как он декламирует Бродского или Пастернака.

По итогам долгой беседы между пожилыми людьми установились теплые приятельские отношения. Владимир Семенович часто просил библиотекаршу отложить для него некоторые редкие тома, а Зинаида Петровна часто прибегала к мужской помощи Вышеславского при разгрузке книг.

Сегодня Владимир Семенович вошел в библиотечный зал с пустыми руками, вернее, в руках его не было книг, зато красовался шикарный букет белых лилий, которые так любила Зинаида Петровна. Пожилая библиотекарша смущенно опустила глаза, когда Владимир протянул ей букет и в витиеватой форме отвесил ей трехэтажный комплимент, явно заученный накануне. От смущения Владимир Семенович путался в словах и мило стеснялся, чем привел Зинаиду Петровну в совершенно романтическое состояние духа.

– Ах, Володя! Право, не стоило! – с ходу перешла Зинаида Петровна на чеховский язык. Женщина театрально понюхала цветы, затем прижала их к груди. – Нужно их в воду поставить!

Владимир Семенович, довольный произведенным эффектом, улыбался в усы.

– А что за повод такой? – игриво поинтересовалась библиотекарша.

– Я нашел то, что так долго искал, – сказал Владимир Семенович и снова усмехнулся.

Зинаида Петровна нашла в недрах библиотеки огромную старомодную вазу с безвкусным рисунком и торжественно поставила в нее букет.

– Как вам? – спросила она

– На мой вкус чересчур вычурно, – честно ответил мужчина.

Библиотекарша рассмеялась

– Что поделать, такие вкусы у учредителей этой библиотеки!

– Зинаида Петровна, у меня к вам небольшая просьба, – смущенно пробормотал Владимир. – Не считите за дерзость, я пойму, если вы мне откажете, и несколько не обижусь...

– Да говорите уже, – кокетливо ударила Владимира по ладони женщина. – Право, ваше смущение мило, но уже надоедает!

– Прошу прощения, – Владимир Семенович вдохнул в грудь побольше воздуха и выпалил. – Я бы хотел пригласить вас на свидание!

Зинаида Петровна зарделась, Вышеславский даже оторопел немного – он не мог поверить, что эта строгая женщина способна на такие проявления чувств.

– Долго же вы собирались! – смеясь, сказала женщина, и, выйдя из-за стойки, обняла Владимира.

Вышеславский обнял библиотекаршу и почувствовала давно позабытый жар женского тела. Их губы встретились, и Владимир Семенович чуть было не позабыл об истинной цели своего визита. Зинаида настойчиво потащила мужчину в лабиринт книжных полок.

– Право, неудобно же! Мне не разрешено проходить в архив, – пробормотал Вышеславский.

– Володя, прекрати! Я здесь главная, я даю тебе разрешение входить в любое помещение в моей библиотеке! – тяжело дыша, сказала Зинаида Петровна.

– Ну наконец-то! – Владимир остановился, как вкопанный.

Женщина недоуменно уставилась на своего кавалера.

– Я что-то не то сказала? – Зинаида Петровна отпустила руку Вышеславского.

– Нет, ты все сказала правильно. Ты дала мне разрешение! – в голосе Владимира Семеновича слышалось торжество. – Теперь я выведу вас на чистую воду!

– Володя! О чем ты говоришь? Кто ты? – Зинаида Петровна в ужасе отшатнулась.

– Я есть бич божий, курица ты старая! – Вышеславский одним движением выхватил нож и срезал крылья со спины Зинаиды, вторым движением он перерезал женщине горло.

– Прощения не прошу, ты вернешься еще, – сказал Владимир, переступая немолодое тело.

Дверь в архив он нашел не сразу – лабиринты книжных полок были запутанны и плохо освещены. В конце концов, Владимир остановился перед высокими деревянными дверями, по верхнему краю которых вились золотые руны. Вышеславский поискал отверстие для ключа, но поверхность двери была абсолютно гладкой, открыть их не представлялось возможным.

– У меня есть разрешение библиотекаря, – произнес Владимир, и в ту же секунду на правой створке появилась бронзовая ручка, а под ней отверстие для ключа.

Владимир Семенович вставил ключ в отверстие и трижды повернул его. Дверь бесшумно распахнулась. Даже видавший виды Вышеславский присвистнул от удивления – огромный зал освещали хрустальные люстры, свисавшие с потолка, конец зала терялся за горизонтом, натурально конца зала не было видно! Владимир Семенович даже подумал, что если по центральной галерее пустить корабль, то он скроется постепенно за изгибом планеты!

Вышеславский вошел в зал и направился к первому стеллажу, заставленному тяжеленными рукописными томами.

– Ну и что? Что же дальше было? – я вскочил с места. – Почему не было никаких публикаций и разоблачений? Почему до сих пор никто ничего не знает?

– Да потому, что в одиночку я не вынес из хранилища даже миллионной доли сведений! – старый профессор улыбался, явно обрадованный моей горячностью. – На то, чтобы найти хоть какие-то доказательства в этом архиве, у меня ушел бы остаток жизни!

– Так почему бы не привлечь власти? Вряд ли чиновникам или президенту понравится, что они, оказывается, просто пешки в большой игре! – воскликнул я.

– Я тоже так подумал! Я долгое время обивал пороги министерств и государственных учреждений, я дошел до президента! – Вышеславский горько усмехнулся. – Это было моей ошибкой. Свой не пойдет против своих.

– Свой? – я осекся. – Вы хотите сказать, что он тоже...

– Да, и он тоже, – мой собеседник горько усмехнулся. – Собственно, во время разговора с ним меня и взяли. И вот я уже который год торчу здесь. Но только что бы ни думали эти, – он мотнул головой в сторону закрытой двери, – я отнюдь не бездействовал! Я искал человека, которому могу передать свои знания, который продолжит мое дело!

– Вы это о чем? – не понял я и попытался встать со стула, но Вышеславский схватил меня за запястья, вынуждая вновь опуститься на стул.

Свет в комнате начал мерцать, я услышал сильные ритмичные удары в дверь, от которых содрогались стены.

– Что происходит? Почему такой шум? – крикнул я.

– Эти придурки недооценили меня, – расхохотался Владимир Семенович. – Они ломаются в дверь уже с полчаса!

Я ошалело смотрел на своего собеседника. Наши ладони переплелись, и я увидел, что татуировки на руках профессора ожили и черными змейками потянулись к моим рукам. Я попытался отдернуть ладони, но Вышеславский держал меня мертвой хваткой. Татуировки перетекали на мою кожу, вызывая нестерпимую боль, я кричал и извивался в крепких руках старого профессора. Вышеславский хохотал без остановки. Удары в дверь стали сильнее, и, наконец, в дверной проем вломился Фома с двумя своими сотрудниками, автоматы были на боевом взводе, и тройная очередь пуль прошла тело Вышеславского, отбросив его к дальней стене.

Я в ужасе попятился к двери.

– На пол, придурок! – сильная рука бросила меня назад и вниз, я вылетел в коридор и сильно приложился затылком о каменную стену. Мир вокруг подернулся рябью, и в испуге автоматных выстрелов я увидел переломанное тело старого профессора, корчившееся в агонии у дальней стены комнаты номер триста семь.

– Парень! Парень! – сильная рука трясла меня за плечо. – Вставай давай, конечная!

Я подскочил, как ужаленный, ощупал себя и только потом сфокусировал взгляд на человеке рядом со мной.

Водитель автобуса с неприязнью смотрел на меня

– Ты че, пьяный, что ли? – грубо спросил он. – Оплачивай проезд и выметайся из салона!

Я словно в полусне высыпал горсть монет в подставленную ладонь и практически вывалился из автобуса.

Легкий ветерок чуть охладил мою гудящую голову, и я смог осмотреться. Конечная остановка была остановкой только на словах. На деле это был небольшой пустырь на опушке леса. От пустыря под сень корабельных сосен вела широкая тропинка.

Я посмотрел на часы – половина девятого. Встреча с узником отделения для буйных назначена на девять утра. Я вздохнул и зашагал в сторону дома, оставив за спиной сосновый бор, тропинку и лечебницу с ее опасным пациентом.

Чесались запястья, я отогнул манжету рубашки и с ужасом уставился на черные татуировки, покрывшие мою кожу сплошным узором.

Небесный спецназ

Хорошо прибывать в новое место на рассвете – любой населенный пункт, будь то город или деревня, аул или хутор лучше всего выглядят в рассветный час. Природа уже пробудилась, но людей на улицах нет. Каждый дом дышит глубоко и спокойно, очнувшись от ночного сна и уютно потягиваясь в первых лучах солнца.

Фома Александрович Брут лежал в низких колючих кустах и осматривал в отличный армейский бинокль небольшое поселение – буквально три-четыре домика плюс хозяйственные постройки. Цейсовская оптика давала отличное приближение и четкую картинку, а чистый утренний воздух позволял разглядеть мельчайшие детали на одежде жителей поселения.

– Ну что, командир, выдвигаемся пешими порядками? – рядом с Фомой, словно из воздуха, соткался его заместитель – Александр Риес, а по-простому Саша Интел.

– погоди, скорострел, – уголком рта ухмыльнулся Фома, – что-то подозрительно тут! Слишком уж нарочито они выхаживают, словно знают о нашем прибытии. Видишь, как ходят? Вроде по обычному маршруту, но так, чтобы почти всегда под прикрытия стен, крыш или еще чего. Вот и думаю – не засада ли нас ждет?

– Уважаемый Фома, – с издевкой обратился к нему заместитель, – я думаю, это ваша паранойя сейчас говорит! Пора уже браться за дело! Скоро прибдет конвой – тогда ищи-свищи нашего клиента по всей пустыне!

Фома посмотрел на собеседника – Саша Интел получил свое прозвище отнюдь не за познания в компьютерной технике. Ленинградский интеллигент в пятом поколении, Саша очень гордился своими предками и мог часами напролет рассказывать истории о своей семье. За интеллигентность и тактичность, а также за то, что не было еще ситуации, когда замком матерился, его и прозвали Интелом, то есть интеллигентом. Саша сильно гордился своим прозвищем и даже письма домой теперь подписывал как «интел».

– Ладно, хорошо, – Фома убрал от глаз бинокль, – объявляй готовность номер один. Инструктаж уже прошел, так что все знают, как и что им делать.

Фома даже не посмотрел на козырнувшего Интела. Командира отряда снедало нехорошее предчувствие.

Это была его последняя операция перед тем, как он решил подать рапорт об увольнении. Сколько себя помнил, Фома всегда был в вооруженных силах – родился он в семье военного в отдаленном северном городке. Всю жизнь с родителями мотался по разным уголкам страны. Дольше года по роду службы отец нигде не задерживался, поэтому маленький Фома не завел себе друзей. Главной его настольной книгой был военный устав, а подчиняться приказам он научился еще в раннем детстве. Естественно с таким образом жизни вопроса, кем быть, у мальчика не возникло, и по окончании школы он поступил в высшее военное училище.

Потом опять были военные части и гарнизоны. Боевые операции в разных частях света и секретность, секретность, секретность. Молодого офицера заметили и быстро продвигали по службе, карьера складывалась блестяще. За выдающиеся командирские навыки Фома был дважды представлен к награде. Сослуживцы и подчиненные уважали Фому за немногословность, смелость и боевые навыки.

Фома, от природы наделенный огромной физической силой, тем не менее продолжал совершенствовать тело и дух – часами пропадал в тренажерном зале и на стрельбище, изучал боевые искусства и тактику ведения боя. Он словно задался целью стать универсальным солдатом и долгое время шел к этой цели, не останавливаясь и не смотря по сторонам.

Но несколько месяцев назад все изменилось, вернее, изменился Фома, изменилась его жизнь.

Майские праздники радовали жителей города погодой, зеленью и обилием культурных мероприятий. Фома не любил парады и старался держаться подальше от шумных скоплений подвыпившего народа, где зачастую забывали о великой победе прадедов и просто заливали алкоголем жаждавшее веселья нутро.

Фома не носил в День Победы ни наград, ни формы, он прогуливался по парку в обычной светлой футболке с английской надписью «Будь спокоен и получай удовольствие» и старых, но таких удобных джинсах.

Девушку он заметил сразу. Да и как такую было не заметить? Среди шатающегося праздного люда девушка в простом ситцевом платье, читающая на скамейке книгу, выделялась как райская птица среди облезлых кур.

Фома присел неподалеку от девушки, подставив теплomu весеннему солнцу широченные свои плечи, он украдкой поглядывал на девушку, не делая, впрочем, попыток заговорить или познакомиться – понимал, что такие девушки влюбляются явно в кого-то получше, чем военный, который в своей жизни, кроме армии, ничего и не видел. Это понимание, впрочем, не мешало Фоме просто наслаждаться весенним днем и приятной компанией, которая не подозревала даже о его, Фомы, присутствии.

Фома задумался над деталями будущей операции и поэтому не заметил, как к девушке, развязно болтая и покачиваясь на нетвердых от выпитого ногах, подошли четверо. Такие компании Фома знал и очень не любил. Это были парни из тех, кто первым кричит: «наших бьют», кто при любом удобном случае пускает в ход кулаки, особенно если противник слабее, а их больше. Короче, типичные гопники. Фома напрягся и рефлекторно мысленно проверил готовность тела и духа к возможной схватке. Мышцы пребывали в состоянии обманчивой расслабленности, готовые в любой момент стать твердыми, словно железо.

Четверо окружили скамейку, на которой сидела девушка. Один, явно предводитель шайки, уселся рядом и бесцеремонно выхватил у читающей книгу. Повертел в руках, словно впервые увидев, и, рассмеявшись, бросил одному из своих прихвостней. Девушка в напрасной попытке забрать свою книгу попыталась вскочить со скамейки, но была грубо поймана за запястье и насильно усажена на место. Главарь, чувствуя слабость жертвы, с гоготом облапал девушку. Все это Фома видел, уже направляясь в сторону наглецов.

– Что вы себе позволяете? – воскликнула девушка и с размаху залепила главарю пощечину.

– О-о-о, люблю темпераментных! – засмеялся парень и отвел руку для ответного удара. – Люблю воспитывать таких.

Фома поймал руку грубияна в полете и сжал запястье хулигана. Главарь завопил от боли – хватка у Фомы была железная.

– Ты че, оборзел, козел? – яростно крикнул главарь и попытался высвободить руку из стальных пальцев, с таким же успехом он мог пытаться сдвинуть с места железнодорожный состав.

– Кажется, девушка ясно дала вам понять, что ваше общество ей неприятно, – негромко сказал Фома.

– Тебя забыли спросить, – ощерился хулиган. – Парни, вломите ему, чтоб не лез не в свое дело!

Фома развернулся к трем парням. Все были как минимум на голову выше него, но шириной плеч уступали чуть ли не вдвое. Фома отпустил руку главаря и развернулся к наступавшим на него парням. Будь на их месте люди трезвые, то тысячу раз подумали бы, прежде чем нападать на человека его габаритов, но алкоголь и вседозволенность не дали хулиганам оценить соперника.

Первому из нападавших Фома бесхитростно врезал кулаком под дых, и хулиган согнулся, ловя воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Двое других налетели на парня, целясь

ударами в голову, но Фома легко ушел от ударов дилетантов. Неуловимым, скользящим движением махнул ребром ладони по переносице первого из нападавших и с удовлетворением услышал хруст сломанного носа. Второй попытался лягнуть парня в пах, но Фома был готов к этому и, развернувшись на носках, оказался за спиной у врага. Ударом в основание черепа Фома отправил хулигана в глубокий нокаут. Спустя всего несколько секунд возле скамейки стоял только Фома, а трое хулиганов лежали на траве.

– Ну ты напросился! – взревел главарь, вскакивая со скамейки.

В руках хулигана блеснул нож, Фома было напрягся, но, увидев, каким примитивным хватом держит оружие соперник, расслабился. Видно было, что владел ножом главарь на уровне дилетанта: только и был способен, что пугать девушек, да щемить интеллигентов по подворотням.

Хулиган сделал выпад ножом, целясь Фоме в живот. Этот выпад Фома разгадал, наверное, еще раньше, чем о нем успел подумать сам нападавший. Фома перехватил запястье соперника и, повернув корпус, взял руку нападавшего в живодерский захват. Послышался мокрый хруст, и нож, блеснув серебряной рыбкой, упал в траву. Главарь заверещал от боли в сломанной руке и, обезумев от нее, налетел на обидчика, хаотично размахивая здоровой рукой. Фома не стал больше играть с незадачливым бандитом и кроссом в челюсть отправил парня в беспамятство.

Вся драка не заняла и двух минут. Фома пошарил глазами по траве и, увидев книгу, наклонился, чтобы вернуть ее хозяйке.

– Это, кажется, ваше, – мягко сказал он, протягивая девушке слегка истрепавшийся томик.

– Спасибо, – произнесла девушка, принимая книгу дрожащими пальцами. – Спасибо, что вступились.

– Ну, это дело чести любого мужчины, – улыбнулся парень.

– Может, и любого, но вступились именно вы, – девушка справилась со страхом и теперь говорила твердо и уверенно. – Меня зовут Елена Теплова.

– Фома. Фома Брут, – представился парень.

– Надо же, какая интересная фамилия, – воскликнула девушка.

– Да уж, – саркастически хмыкнул Фома, – давайте лучше просто Фома.

– Хорошо, тогда просто Лена, – мило улыбнувшись, сказала девушка и протянула Фоме руку.

Спустя пару дней Фома и Лена снова встретились и долго гуляли по весеннему городу, болтая обо всем и ни о чем. Лена училась на последнем курсе института на архитектора и подолгу рассказывала Фоме о старинных зданиях города, о проектах новых небоскребов в центре, о своем желании поехать по Европе и увидеть шедевры архитектуры европейской культуры. Фома же больше отмалчивался и давал уклончивые ответы по поводу своей профессиональной деятельности.

Молодые люди много говорили о поэзии, в которой Лена разбиралась очень хорошо, а Фома помнил лишь пару строчек из школьной программы. На прощание Лена вручила Фоме книгу – ту самую, что он спас от хулиганов:

– Твардовский, что-то знакомое, – прочитал фамилию автора Фома.

– Тебе понравится, – рассмеялась Лена и наградила ошалевшего Фому поцелуем в щеку.

Фома и Лена провстречались целый месяц, каждый день гуляя по городу, сидя в небольших уютных кафе или просто на скамейке в парке. Впервые в жизни парень не думал о военных операциях, об армии, об оружии. Рядом с Леной все это теряло смысл, хотелось все время быть с ней, рассуждать об искусстве, планировать совместную жизнь. Фоме стало противно то, чем он занимался всю жизнь. Он задумался о том, что жизнь – это не только боевые вылазки, учения и прочие атрибуты армейской жизни; он понял, что, кроме устава, есть множество пре-

красных книг, стихов, музыки, что, помимо армии, существует целый мир, которого он сам себя лишил.

Месяц пролетел незаметно, пришла пора возвращаться на службу. В день перед отъездом Фома рассказал Лене о своих планах, и молодые люди решили, что после возвращения Фомы с задания он уйдет в отставку, и они начнут строить свою семью.

Фома стоял на небольшом холме, окруженном деревьями. Ветер сонно колыхал листья в кронах и вселял обманчивое чувство мира и покоя. Фома осмотрел свой небольшой отряд. Все были готовы к операции.

– Интел! Ты опять тащишь с собой эту штуку?

– Командир, эта штука однажды ой как пригодится! – сказал Саня, поглаживая свою винтовку с прикрепленным подствольным гранатометом. – Я с ней не расстанусь ни за какие деньги!

– Дело твое, лишь бы не мешала тебе выполнить поставленную задачу, – махнул рукой Фома. – Выдвигаемся!

Рассредоточившись широкой цепью, боевая группа подошла к поселению. Вечерние сумерки окрасили стены хижин в серый цвет, ни одного огонька не было видно, что заставило Фому вновь насторожиться. Задание у них было простое – войти в селение и по возможности тихо вывести заложника, находившегося в одном из домов. Фома, стелясь, словно тень у стен хижин, начал обход поселения. Его прикрывал неизменный Интел. Остальные бойцы вошли в поселок с другой стороны. Первый дом – пусто, второй, третий – везде Фома не находил никаких признаков жизни. Огня не было, чаги были холодны.

«Что за черт? – выругался Фома мысленно. – Не похоже, что здесь кого-то держат!»

Вдруг из соседнего здания послышались звуки борьбы, затем заполошная очередь из автомата, безумный, полный дикой боли крик, и вновь наступила тишина. Фома кинулся на звук, за ним по пятам следовал верный Интел.

Фома, словно ураган, влетел в пустую хижину. Внутри было пусто, как и везде до этого. В свете фонаря Фома заметил на стенах темные пятна.

– Кровь свежая, – пощупав пятна, сказал Интел. – Кого это так?

– Включи голову, Саня, – напряженно водя фонариком по темным углам, сказал Фома. – Кроме нас здесь, похоже, никого и нет.

– Так уж и никого, – переходя на шепот, произнес Интел. – Кто-то же его того!

– Вот именно! Понять бы, кто это! – осмотрев хижину, Фома с напарником вышли на улицу и двинулись к точке встречи с остальной группой.

К месту сбора подошли в полной тишине, даже ветер, казалось, спрятался где-то в вершинах деревьев.

Центр поселения представлял собой небольшой клочок вытоптанной земли, Фома и Интел подошли к нему с двух сторон. В центре пустыря высился небольшой холм, которого не было, когда Фома осматривал поселение в бинокль. В темноте разглядеть, из чего этот холм, было сложно, фонари бойцы благоразумно не включали. Интел подошел к холму вплотную и согнулся за ним. Фома было подумал, что его заместитель обнаружил какие-то следы на земле, но, услышав кашляющие звуки, понял, что ошибся.

Фома с содроганием подошел к куче растерзанных тел, что недавно были живыми и полными сил бойцами его отряда. Командира замутило, и он лишь усилием воли подавил в себе тошнотворные порывы и не согнулся рядом с Интелом, извергавшим из себя ужин.

– Кто ж их так? – вытирая рот, спросил Интел своего командира.

– Не знаю, – сквозь зубы прошипел Фома, – одно ясно – нам здесь делать уже нечего, надо выбираться!

Двое оставшихся от отряда людей направились к выходу из поселения, прикрывая друг друга спины, вздрагивая от каждого шороха в предрассветной тишине.

Интел шел впереди, Фома прикрывал. Выбравшись на холм, с которого началась операция, бойцы перевели дух.

Солнце показало над горизонтом свой багровый край, и тьма нехотя отступала, оставляя обрывки сумрака меж деревьев, окружавших холм.

– Ну, слава богу, выбрались, – опустив оружие, сказал Интел.

– Не торопись с выводами, – Фома не опускал оружие и напряженно вглядывался в темные тени под деревьями.

– Что-то заметил? – Саня сразу же вскинул винтовку к плечу.

– Не знаю, – мотнул головой Фома, – ощущение, что на нас кто-то пялится!

Между деревьев метнулось багровое пламя, и на поляну перед бойцами вылетело существо, больше всего напоминавшее помесь огромной летучей мыши и медведя. Густая сваливавшаяся в колтуны шерсть покрывала мощное тело, в плечах существо было настолько больше Фомы, что рядом с ним дюжий командир отряда казался щуплым подростком. Голову твари венчали длинные рога, за спиной были сложены кожистые крылья, но самое кошмарное, что вокруг монстра бушевало оранжевое пламя. В воздухе ощутимо запахло серой.

– Какого ... – начал было Интел, но существо молниеносно подлетело к стоящим плечо к плечу парням и ударом лапы отправило обоих в непродолжительный полет, закончившийся жестким приземлением. Фома с трудом поднялся – в груди болело, на губах он почувствовал вкус крови.

«Ребро точно сломано», – подумал Фома, поднимая автомат к груди.

Рядом застонал Интел:

– Командир, ты как? Цел? – услышал Фома сдавленный голос Сани.

– Помят, но в целом функционирую, – улыбнулся Фома. – Ты как?

– Жить буду, – усмехнулся Интел. – Где эта тварь?

– Не знаю, быстрый, черт! – Фома ругнулся и понял, что именно черта странный монстр и напоминает. Черта или демона!

На противоположный край поляны с шумом вырвалось тяжелое тело твари.

– Ну вот и пригодится моя винтовка! – услышал Фома сдавленный крик Интела.

– Саня, ты что? Тебя же разорвет! Не на таком расстоянии!

– Жить буду, но недолго! – рассмеялся Интел и встал в полный рост, привлекая к себе внимание монстра. – Эй, урод! Вот он я! Возьми меня!

Фома увидел, что изо рта Интела толчками вырывается темная кровь. Заместитель командира, понимая, что уже не жилец, решил уничтожить монстра и погибнуть, сражаясь.

– Саня, нет! – закричал Фома, когда в несущееся на Интела тело монстра полетел заряд из подствольного гранатомета.

Грохот взрыва оглушил Фому и ослепил вспышкой света. Командир отряда поднялся и на трясущихся от слабости ногах направился к месту взрыва. На изломанное и обожженное тело Интела Фома старался не смотреть – знал, что выжить после такого невозможно.

Фома подошел к туше демона. Огромная бычья голова твари была запрокинута, в груди зияла огромная дыра, в которой виднелось черное сердце, окруженное языками оранжевого пламени. Фома ощущал жар от тела, но заметил, что трава рядом с монстром не сгорела и даже не высохла. Видимо, адское пламя жгло только людей.

Фома склонился над монстром, стараясь понять, что же за чудовище уничтожило его отряд. Внезапно глаза демона открылись, и Фома ощутил, как когти твари прошли бронежилет и вошли глубоко ему в живот. Демон начал пониматься на ноги. Фома с яростным криком вонзил ладонь в дыру на груди монстра. Кожа на руке мгновенно покрылась волдырями ожогов, но парень не отдернул руки. Стальные пальцы впились в черное сердце, и демон заревел от боли. Фома сжимал руку все сильнее. Затем резко потянул раскаленное сердце и вырвал его из груди монстра. Демон, издав дикий рев, рухнул на землю и затих. Фома посмотрел на свою

руку, державшую сердце твари – на месте кожи теперь был сплошной ожог, боль, отогнанная адреналином, еще не начала терзать командира отряда.

– Наверное, ничего не чувствую из-за потери крови, – решил Фома и упал на спину рядом с мертвым монстром.

Фома смотрел в чистое голубое небо и думал о Лене, о том, сколько стихов он еще не прочел вместе с ней, о их не рожденных детях. Последнее, что увидел Фома, были три крылатые фигуры, слетевшие с небес и остановившиеся над ним.

– Опять эти ваши эксперименты, коллега! – издевательски произнесла одна из фигур.

– Ну не уследили за пленником! Что с того? Все же хорошо закончилось! – второй голос не оправдывался, а лишь констатировал факты.

– А с ним что делать? – Фома понял, что речь о нем.

– Рука практически сожжена, обильное внутренне кровотечение, кости сломаны, внутренние органы повреждены. Я удивлен, что он еще жив!

– Этот парень уничтожил демона! Практически голыми руками! – в голосе чувствовалось восхищение. – Думаю, он нам пригодится!

– Все бы тебе подбирать всяких калек! – снова насмешливый голос. – Но если хочешь – возись.

Фома приоткрыл глаз.

«Ангелы? Да нет, бред, наверное, у меня, – решил Фома, увидев стоящие над ним крылатые фигуры в белоснежных одеждах. – Видать, совсем мне плохо, раз такие галлюцинации».

Фома не успел додумать мысль – сознание покинуло его. Теперь от боли его спасла утешительная тьма.

Фома несколько раз почти приходил в сознание. Он сквозь пелену боли ощущал чье-то присутствие, слышал голоса, словно сквозь толщу воды.

– Что делать с рукой? Она обожжена почти до кости.

– Вы что, оставили ему руку? Мы же договорились, что оставляем только мозг, руку надо ампутировать!

– Так, вам что, заняться нечем? Какая, блин, ампутация? Опять старых боевиков насмотрелись! Хватит уже паясничать! Восстановительный курс запущен?

– Да! Через пару дней очнется. Все-таки его неслабо потрепали. Даже наших возможностей не хватает для мгновенного исцеления.

– Ясно. Работайте!

Голоса растворились в темноте. Фома ощущал себя лежащим в темной воде. Мягко покачиваясь в темноте на невидимых волнах, Фома вспоминал детство, вспоминал свои первые боевые задания, свое желание оставить военную службу.

– Лена! – яркая вспышка осветила сознание, Фома попытался вскочить, но не смог преодолеть сопротивление жидкости, в которую был погружен. Он рванулся еще и еще, с каждым разом прикладывая все больше усилий. Наконец, мягкие путы начали поддаваться, и Фома понемногу начал ощущать свое тело. Чувствительность возвращалась к конечностям, словно они затекли, и теперь кровь снова начала поступать к ним. Вместе с кровью пришла и боль. Острое покалывание в каждом пальце пронзило правую руку до самого локтя. Боль от ожогов затмила сознание Фомы, но он яростным усилием воли подавил агонию и продолжил подниматься, продолжил разгонять кровь по своему телу, возвращая себе чувства и контроль над организмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.